

Изобретение Бомарше-полемиста возрождается в новой функции. Вместе с ним вводится и целая сумма стилизованных средств, создающих алогические контрасты, окрашенные «иронией холодной и осторожной», какую Пушкин находил у французских публицистов века Вольтера.

Связанный с веком Просвещения живыми нитями, Пушкин был в то же время и его исследователем и его критиком. Пушкинская концепция XVIII столетия еще долго будет служить предметом изучения. Многообразная и дифференцированная картина, возникавшая в сознании Пушкина — мыслителя и художника, по-видимому, менялась с течением времени, выдвигая на передний план то одну, то другую фигуру, приковывавшую к себе его внимание. На границе тридцатых годов ему «блеснул» «веселый Бомарше», столь близкий его творческому гению, — и оставил за собою неизгладимый след.

Впервые: Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1974. Т. 7.

- ¹ Пушкин. Т. 11. С. 272.
- ² Сенковский О. И. «Горе от ума», комедия в четырех действиях, в стихах, сочинение Александра Сергеевича Грибоедова. Москва, в тип. Августа Семена, 1833, в 8°, стр. 178//Библиотека для чтения. 1834. Т. 1. Отд. IV. С. 44.
- ³ Большинство данных о Пушкине и Бомарше суммировано в статье Б. В. Томашевского «Пушкин и французская литература»//Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 143—144. Частные наблюдения (в том числе о реминисценциях) см. также: Losinsky G. Pouchkine, lecteur de Beaumarchais./Revue de littérature comparée. 1937. N. 1 (janvier-mars). P. 233—234; Гляссе А. Об источнике одной лицейской эпиграммы Пушкина//Временник Пушкинской комиссии. 1970. Л., 1972. С. 77—79; Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». М., 1972. С. 106; Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972. С. 104. Некоторые дополнительные данные содержатся в наших заметках «Пушкин и Бомарше» (Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1974. Т. 7. С. 204—214); частью этой работы является настоящий этюд. Уже после него вышла статья Н. В. Беляка и М. Н. Виролайнен «Там есть один мотив...»: «Тарар» Бомарше в «Моцарте и Сальери» Пушкина//Временник Пушкинской комиссии. Л., 1989. Вып. 23. С. 32—46; понимание роли фигуры Бомарше в «Моцарте и Сальери» здесь во многом отлично от нашего. Наиболее подробное освещение темы «Пушкин и Бомарше» см.: Вольперт Л. И. Пушкин и психологическая традиция во французской литературе. Таллин, 1980. С. 166—196.
- ⁴ Eugene Onegin. A novel in verse by A. Pushkin. Translated from the Russian, with a commentary, by V. Nabokov. N.—Y., 1964. Vol. 3. P. 222—223.
- ⁵ Веселовский А. Н. Бомарше и его судьба: Опыт характеристики//Вестник Европы. 1887. № 2. С. 568—569; Лернер Н. Рассказы о Пушкине. Л., 1929. С. 216.

- ⁶ Voltaire. Correspondence. Ed. by Th. Bestermann. Genève, 1963. Vol. LXXXVII. P. 53.
- ⁷ Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne, par J. F. La Harpe. Nouvelle édition, augmentée et compléte, t. XI. Paris, 1817. P. 83; Oeuvres complètes de Beaumarchais, précédées d'une notice sur sa vie et ses ouvrages par La Harpe, t. 1. Paris, MDCCCXXVI. P. X. Ср.: [Ch. Y. Cousin d'Avallon]. Vie privée, politique et littéraire de Beaumarchais. Suivi d'anecdotes, bons mots, réparties, satires, épigrammes et autres pièces propres à faire connaître le caractère et esprit de cet homme célèbre et singulier. Paris, an X (1802).
- ⁸ Lycée... Т. XI. P. 104—105; Oeuvres complètes de Beaumarchais. Т. I. P. XXI—XXII.
- ⁹ РНБ. Ф. 682 (Н. Н. Селифонтова). К. 4. VI Ж. Л. нenum.
- ¹⁰ Первое свидание Гиббона с Вольтером: (1776)//Отечественные записки. 1840. Т. X. Отд. VII. С. 59.
- ¹¹ Oeuvres de Ponce Denis (Ecouhard). Le Brun... Paris, 1811. Т. IV. P. 127. Ср.: Герштейн Э. Г., Вацуро В. Э. Заметки А. А. Ахматовой о Пушкине//Временник Пушкинской комиссии. 1970. Л., 1972. С. 33, 35.
- ¹² Пушкин. Т. 12. С. 191—192.
- ¹³ Lycée... Т. VI. Paris, 1817. P. 317—318.
- ¹⁴ Ср.: Серман И. З. Пушкин и русская историческая драма 1830-х годов//Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1969. Т. VI. С. 149.
- ¹⁵ Oeuvres complètes de Beaumarchais/Перевод Н. М. Любимова. Т. 1. P. 268, 271.
- ¹⁶ Пушкин. Т. 11. С. 160, 168.

«Могильный голос» Вольтера в пушкинском послании

Посланник молодой увенчанной жены,
Явился ты в Ферней — и циник поседель,
Умов и моды вождь пронрыливый и смелый,
Свое владычество на Севере любя,
Могильным голосом приветствовал тебя.

Это строки из пушкинского послания «К вельможе», обращенные к князю Николаю Борисовичу Юсупову, некогда посетившему Вольтера в его всемирно известной резиденции.

23 мая 1830 года, по свежим следам чтения пушкинских стихов, П. А. Вяземский пишет жене: «Я очень доволен посланием к Юсупову, но не могильным голосом Вольтера. Это слишком балладно для классического старика»¹.

Когда Вяземский писал эти слова, он, вероятно, не помнил, что эпитет «могильный» в применении к голосу

уже однажды был предметом критического обсуждения. Полемика разыгралась за десять лет до его письма во круг строчек в «Руслане и Людмиле»:

Могильным голосом урод
Бормочет мне любви признание

«К стыду моему, должен признаться, — писал тогда А. Ф. Воейков, — что я не постигаю, что такое *могильный, гробовой* голос. Не голос ли это какого-нибудь неизвестного нам музыкального орудия?»²

«...Вы, видно, многого еще не постигаете, — иронически парировал А. А. Перовский, — могильный голос значит: голос, который кажется выходящим из могилы, по-нем.<ецки> Grabesstimme, по-франц.<узски> voix sépulcrale»³.

Для Воейкова выражение звучало как слишком смелая поэтическая метафора, для Перовского — как языковая метафора, привычная в европейском словоупотреблении.

Вяземский не оспаривал ее законности, — она смущала его только в применении к Вольтеру. «Слишком балладно». Образ фернейского патриарха — воплощение рационализма XVIII столетия — должен был быть трактован с рационалистической ясностью и на него не должна была упасть ни одна тень «балладного» романтизма.

«Могильный голос» Вяземский читал как метафору литературного происхождения, растворяющуюся в цепи побочных, сопутствующих значений: «загробный», «потусторонний», «таинственный», «нереальный»...

Он не принял во внимание, что Вольтер действительно обладал глухим и громким голосом, на что обращали внимание посетители Фернея.

Г-жа де Жанлис рассказывала: «У него был могильный голос (une voix sépulcrale), придававший его речи странную тональность, тем более, что он имел обыкновение говорить чрезвычайно громко, хотя и не был глухим. Когда разговор не шел ни о религии, ни о его врагах, беседа его была проста, естественна и — при его уме — весьма приятна»⁴.

Из этих воспоминаний, вызвавших при своем появлении большой интерес в русском обществе, — сменившийся, впрочем, некоторым разочарованием, — Пушкин, видимо, и взял свой эпитет, — не как метафору, а как реалию. Не исключено, что и князь Юсупов, без сомне-

ния, перелиставший воспоминания Жанлис и помнивший свое собственное впечатление, обратил внимание Пушкина на эту характеристику

Как бы то ни было, она принадлежала не «балладе», а мемуарному свидетельству.

Впервые: Русская речь. 1986. № 4

¹ Звенья Т. 6. М.; Л., 1936. С. 256.

² Сын отечества. 1820. № 37. С. 150.

³ Там же. № 42. С. 82.

⁴ Mémoires T. II. Paris, 1825. P. 329; ср.: Державин К. Н. Вольтер. М., 1946 С. 444.

Устная новелла Пушкина

В рукописном отделе Российской государственной библиотеки (бывшей Библиотеки им. В. И. Ленина), в фонде Веневитиновых хранится тетрадь, принадлежавшая Владимиру Александровичу Соллогубу, одному из лучших русских прозаиков 1840-х годов. Тетрадь служила Соллогубу как черновая для его беллетристических опытов; но одновременно он вписывал в нее и услышанные им от разных лиц рассказы и исторические анекдоты в частности, о времени Павла I. Один из этих рассказов начинается именем Пушкина.

Соллогуб общался с Пушкиным недолго, но близко. «Он поощрял мои первые литературные опыты, — читал нам в его поздних мемуарах, — давал мне советы, читал свои стихи и был чрезвычайно ко мне благосклонен, несмотря на разность наших лет. Почти каждый день ходили мы гулять по толкучему рынку, покупали там сайки, потом, возвращаясь по Невскому проспекту, предлагали эти сайки светским разряженным щеголям, которые бегали от нас с ужасом. Вечером мы встречались у Карамзиных, у Вяземских, у князя Одоевского и на светских балах. Не могу простить себе, что не записывал каждый день, что от него слышал»¹. Эти встречи происходили поздней осенью или в начале зимы 1836 года, когда был исчерпан конфликт Пушкина и Соллогуба, возникший из недоразумения, но едва не приведший к поединку. Примирение произошло в мае; до осени Соллогуб пробыл в служебной командировке и вернулся в